

А.В. Винобер

*Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия*

ФИЛОСОФИЯ КОЭВОЛЮЦИИ И НООСФЕРЫ: ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И РЕАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Мир науки и мир глобального человечества претерпели основательные трансформации. Этот социальный и технический эволюционный процесс заслуживает серьезного философского осмысления. И оно происходит, но к сожалению (моему субъективному) совсем не в таком ракурсе и не с такой глубиной, как заслуживает на самом деле. По-прежнему над земным человечеством висит гамлетовский вопрос: быть или не быть? И по-прежнему лучшие или самые хваткие умы не могут найти на него ответа и не могут прийти к общему императивно-этическому знаменателю. «Коэволюция» и «ноосфера» как отмечает автор, это научно-теоретические конструкты, лежащие в основе моделирования и осмысления развития земной человеческой цивилизации в прошлом (реконструктивно-ретроспективное моделирование), в настоящем (экспертно-аналитические модели новейшей истории и текущего момента) и в будущем (перспективное многовариантное динамическое моделирование и прогнозирование).

Ключевые слова: теория познания, реальные процессы, коэволюция, ноосфера, техносфера, искусственный интеллект

Вышеозначенная подтема появилась на горизонте моего сознания 3 апреля 2023 года при новом прочтении «Теории познания» В.В. Ильина [17, 18]. Как обычно, подумал: вот надо этого перечесть и этого, и вот этих новых авторов – и тогда можно будет увидеть нечто свежее, чего не видел ранее и что почти незамечаемо другими. Но опять же, как обычно, времени, концентрации и волевых усилий не хватает: звезды зовут, природа манит и время ускользает. Проснувшись сегодня утром, 27 апреля 2023 года, внезапно осознал, что замысел «работать и писать, как настоящий кафедральный философ» снова потерпел крах. Будет очередная импровизация, без всякой солидной академической подготовки. И, слава богу! Ведь пока это еще одна из немногих роскошей ума, которую не отобрал у нас искусственный интеллект (вкуче с его апологетами и создателями). Собственно, тема научного познания и его теоретических оснований захватила меня уже давно, в сентябре 1982 года. В те времена я нередко заглядывал в небольшой магазин «Военная книга», что был тогда на улице

Урицкого (ранее – улица Пестеревская – почему до сих пор не переименовали? За такой вопрос можно и не браться – сложны зигзаги отечественной истории).

Так вот, кроме прочего, в магазинчике этом регулярно продавались книжки карманного формата из серии «Над чем работают, о чем спорят философы». Купил первую из них: К.А. Новиков «Свобода воли и марксистский детерминизм» [24].

Кстати, несмотря на эпитет «марксистский» книжка оказалась вполне интересной и вразумительной: до сих пор с удовольствием её перечитываю и нахожу её вполне современной. В течение неполных двух лет я приобрел десятка два книжек из этой серии, перечитал их (с разной степенью удовольствия и понимания) и пришел к выводу: пора создавать свою философскую систему. Назвал её «Интуитивное постижение мира». В результате система так и не была создана, но появился первый философский дневник с одноименным названием [4]. Редкий и нечаянный мой читатель уже успел подумать: «Опять очередная самовлюбленная самопрезентация!». «Отнюдь», - как говаривал Козьма Прутков. Всего лишь небольшое введение, окрашенное субъективно-эмоциональными оттенками. Ведь мы пока еще живые люди, а не механические киборги, и как говорил великий теоретик пролетариата: «Ничто человеческое мне не чуждо...». Правда, из иных теорий в человеческой истории иногда выходят весьма печальные для человечества последствия. Надо сказать, что четыре десятка лет в человеческой жизни (но не пост-человеческой) срок не малый. Но время было стремительное, и ценности менялись слишком часто. Мир науки и мир глобального человечества претерпели основательные трансформации. Этот социальный и технический эволюционный процесс заслуживает серьезного философского осмысления. И оно происходит, но к сожалению (моему субъективному) совсем не в таком ракурсе и не с такой глубиной, как заслуживает на самом деле. По-прежнему над земным человечеством висит гамлетовский вопрос: быть или не быть? И по-прежнему лучшие или самые

хваткие умы не могут найти на него ответа и не могут прийти к общему императивно-этическому знаменателю.

Как давно отмечал великий философ Томмазо Кампанелла: «Если бы люди творили сообща всё, что приносит пользу, счастье и благо человеку, то мир превратился бы в рай». Но люди часто стремятся творить нечто противоположное и потому мы все имеем то, что имеем.

Что касается философии коэволюции и ноосферы, то здесь я давно (примерно с 1987 года) исповедую в качестве основного ориентира учение выдающегося российского ученого и философа Никиты Николаевича Моисеева [20-23], внося при этом некоторые лично-субъективные моменты и представления [5-8]. То есть, «коэволюция» и «ноосфера» для меня это, прежде всего, научно-теоретические конструкты, лежащие в основе моделирования и осмысления развития земной человеческой цивилизации в прошлом (реконструктивно-ретроспективное моделирование), в настоящем (экспертно-аналитические модели новейшей истории и текущего момента) и в будущем (перспективное многовариантное динамическое моделирование и прогнозирование).

Начнем наше приближение к теории познания и к пониманию реальных процессов с элементарной, или, точнее, с популярной космологии.

Известный российский астроном Ю.И. Ефремов в заключительной главе «Горизонт познания» своей неоднократно переиздаваемой книги «Вглубь Вселенной» отмечает, что «рассматриваемые совместно предположения о том, что Вселенная создана космическими разумными субъектами и что они – по определению – обладают совестью, способны решить вопрос и о том, откуда она завелась у нас... Такого рода построения могут показаться не более чем фантастикой, но по-существу они могут оказаться глубокой метафорой, отражающей может быть положение дел, для описания которого у нас просто могут еще отсутствовать адекватные понятия» [16].

Со времен Левкиппа и Демокрита (а вполне может быть, что и гораздо ранее) мыслящее человечество беспокоит проблема существования множества миров, помимо нашего, земного и единственного.

Историю осмысления потенциально бесконечного многомирия исследовал с мировоззренческих позиций В.П. Визгин. И пришел, в частности, к выводу, что «при обсуждении проблемы «множества миров» нельзя забывать об эпистемологическом разнообразии, к которому способна Вселенная в лице ее возможных разумных обитателей. Список мировых констант – это наш список. Это мы так смогли упорядочить вселенную. В ней, вероятно, возможны и другие варианты картины мира» [3].

Как утверждает известный современный космолог Ли Смолин: «Ньютоновская физика была опровергнута в начале XX столетия, но достойной смены ей мы до сих пор не нашли... множество теоретиков верит, что теория струн что-то должна сделать с природой, но проверить это сложно, потому что эта теория допускает самые различные версии, а каждая из них делает различные прогнозы относительно элементарных частиц... Я верю, что множество вопросов, касающихся законов природы, получат когда-нибудь такие объяснения, которые будут опираться скорее на историю, нежели на априорные математические доказательства [28].

В другой своей научно-популярной работе, Ли Смолин утверждает, что физики и философы долго убеждали нас что время – это иллюзия, и что идея иллюзорности времени общепринята в нашей философии и религии (в чем я сильно сомневаюсь, что это так – А.В.). Далее, Ли Смолин говорит, что «тоже верил в нереальность времени, но сейчас считаю: чтобы придать смысл картине мироздания – следует переосмыслить реальность времени. Это я и имею ввиду под возвращением времени» [29].

Надо сказать, что проблема пространства и времени интенсивно исследуется наукой во все времена её существования – от древних истоков до сегодняшнего дня. Существует обилие всевозможных работ, как

философского и физического содержания, так и космологического и априорно математического плана.

В частности, полстолетия назад, в русском переводе появилась синтетическая фундаментальная работа А. Грюнбаума «Философские проблемы пространства и времени», где на основательном методологическом уровне современной теории научного знания анализируется эвристический и истинностный потенциал научных теорий пространства и времени, и рассматриваются метрические и топологические свойства пространства и времени» [12].

По большому счету, если касаться многих космологических и фундаментальных физических законов, которыми оперирует современная наука, можно с неизбежностью прийти к выводу об их относительной истинности, и, по-преимуществу, конвенциональном характере. Например, пресловутый закон или принцип неизбежности тепловой смерти Вселенной, подвергнутый критике еще в 80-е годы XIX века известным диалектиком Ф.Энгельсом [35] до сих пор «покоится» на зыбком физико-математическом фундаменте умозрительных теоретических допущений или весьма произвольных исходных постулатов. Как, впрочем, и такая же пресловутая теория «большого взрыва» - всё это продукты своего времени, когда теории плодились легко и непринужденно, а впоследствии – обретали фундаментальный математический базис. А ведь математики могут построить любую модель, в любой области познания, не отвечая за соответствие её реальности. Выше обозначенный фрагмент, безусловно, вольная философская импровизация, имеющая своей целью, в частности, разбудить задремавшего читателя.

Но если вполне серьезно – то многие основополагающие законы и принципы современного естествознания построены в значительной степени на вере во всемогущество и достоверность обретаемого коллективным научным трудом условно объективного знания.

Собственно, это давно известная ситуация. К примеру, еще С.Н. Булгаков в своей нетленной работе «Философия хозяйства» отмечал: «Всякая наука по-своему стилизует действительность, и все научные понятия суть продукты такой преднамеренной и сознательной стилизации, причем прообразом научности здесь действительно является математическая стилизация действительности с превращением её в мир геометрических тел и математических величин» [2].

Нечто похожее выражал также известный философ П.Фейерабенд: «... А взять лучшие теории современной физики – общую теорию относительности в её современном виде и общую квантовую механику. Несмотря на все усилия, сегодня невозможно создать согласованную картину, удовлетворяющую им обоим – предположения одной теории прямо противоречат предположениям другой. Можем ли мы после этого считать, что каждая из них дает нам верное описание реальности? Я – нет. Я могу лишь утверждать, что они суть полезные модельные приближения, и мы не имеем никакого представления, на что похожа реальность, которую они аппроксимируют» [32].

И на десерт – мнение Г.П. Щедровицкого: «То, что мы называем «наукой», с точки зрения современной методологии и науковедения, есть особая, исторически преходящая форма организации знаний, мышления и деятельности. ... то, что сегодня называется сциентизмом, это, прежде всего, определенная идеология, определенный миф. И этот миф научности настолько разросся, что очень часто закрывает вид на весь остальной мир, и мы перестаем видеть то, что реально происходит» [34].

Цитируя высказывания вышеобозначенных ярких мыслителей и философов, я вовсе не хочу сказать, что вся наука насквозь мифологична, и в силу этого предельно искажает исследуемую и описываемую реальность. Я только хочу обозначить трудно преодолимую границу максимально адекватного отражения реальности технологией и техникой современного научного познания, которое имеет фрагментарный, раздробленный,

сегментированный, субъективный, и крайне мифологизированный характер. Я еще говорил также о многочисленных методологических блужданиях, которые регулярно охватывают ту или иную отрасль научного познания, и чаще всего возникают первоначально в умах отдельных амбициозных философов или деятелей науки.

В качестве пояснения возьмем определение известного философа, основателя современной философской антропологии М.Шелера: «Теория познания – это дисциплина, которая не предшествует феноменологии и не служит для нее основой, но следует за ней. В своем полном объеме эта теория не может мыслиться и как ограниченная познанием в смысле «теории»; она – учение о постижении и мыслительной обработке объективных содержаний бытия вообще, т.е. в том числе и учение о постижении ценностей и ценностных суждениях, т.е. теория восприятия ценностей и оценивания. Однако любое такого рода учение предполагает феноменологическое исследование сущности данностей» [33].

Здесь я вынужден прервать это длинное определение и попросить читателя набраться терпения до конца цитаты, ибо от понимания её смысла будет зависеть понимание следующего «поворота» в теории познания и рассмотрения феномена реальности процессов, отображаемых наукой (А.В.).

Далее, снова Шелер: «.. Познание и восприятие ценностей тоже суть лишь особые формы «сознания о», которые только надстраиваются над непосредственным осознанием фактов, являющихся в нем как самоданные. Поэтому познание – если это слово используется осмысленно – всегда занимается только имитацией и селекцией данного в мыслях, и никогда – порождением, образованием, конструированием. Нет познания без предшествующего знания, и нет знания без предшествующего самостоятельного наличного бытия и самоданности вещей. Поэтому всякая теория познания, в соответствии с которой предмет определяется или даже порождается только посредством методов познания, есть нечто противоречащее очевидному смыслу познания. Это же относится и ко всякой

«теории познания», которая до феноменологического исследования духа и данностей вещей, а также (как, впрочем, и должна поступать теория познания) до догматического установления определенного, независимого от познания мира реальностей желает решить вопрос о возможности познания и его путях» [33].

Теперь можно «перевести дух» (в русском смысле слова) и попытаться разобраться, что же хотел сказать Макс Шелер по поводу взаимоотношения «теории познания» и «феноменологии».

Во-первых, следует учесть, что М.Шелер в определенной степени последователь феноменологической парадигмы Э.Гуссерля (значительно больший, чем, например, М.Хайдеггер). Во-вторых, (по моему субъективному мнению) – прямой наследник немецкой классической философии (Гегеля и Канта). А в-третьих, в значительной степени – католический теолог (как, впрочем, вся немецкая классическая философия на 80-90%, вышедшая из средневековой теологической схоластики). А говорит М.Шелер в своем локальном определении «теории познания» вот о чем (опять же, по моему субъективному мнению) «теория познания» без «феноменологии» - «детский лепет», ибо истинное познание реальности дает только феноменологический метод, позволяющий проникать за пределы тривиального восприятия мира вещей к истинной их сакрально-трансцендентной или мистически постигаемой сущности. То есть, это все та же история: сакральным знанием обладаю только Я (Гегель, Шеллинг, Фихте, Кант, Шопенгауэр ... вы можете продолжать этот перечень, если знакомы с историей философии).

Как ни странно, но то же самое говорят и юный Людвиг Витгенштейн и зрелый Зигмунд Фрейд.

Но Э.Гуссерль в этой «духовной узурпации постижения смыслов», по моему, превзошел «всех вместе взятых». Одним волевым усилием, он создал в рамках классической философии новую дисциплину «феноменологию», которая, отринув психологизм и антропологизм, стала претендовать на

абсолютно стерильное «логически чистое» теоретическое знание, которое якобы не зависит ни от реального физического мира, ни от психологии познающего субъекта. Феноменология игнорирует всё обилие предшествующих метафизических понятий и обозначает себе роль особого, единственного верного «аппарата умозаключения», созидающего смысл осознания реальности [13, 14].

В итоге такого «хода конем» феноменология начинает претендовать на статус «первой философии». Что так и пытается выразить в своем данном определении М.Шелер. Синонимически можно считать (или аналогично), что «философия» и «феноменология» находятся в такой же оппозиции, как «теория познания» и «феноменология».

Поскольку мы коснулись феноменологии Э.Гуссерля, являющейся одним из основных направлений в западной философии и культуре XX века [30], которое повлияло в дальнейшем на становление экзистенциализма, персонализма, герменевтики и других философских течений – вполне логично затронуть философию Мартина Хайдеггера, феноменолога-экзистенциалиста, оказавшего еще более заметное влияние на развитие всей западной философии в XX веке и имеющего большую популярность и в XXI веке, причем не только на Западе, но и в России.

Как отмечает Я.А. Слинин, в 1925-1927 гг. М.Хайдеггер целиком и полностью ощущал себя феноменологом. В одной из лекций он заявляет, что безоговорочно считает себя учеником Гуссерля. Первое большое произведение М.Хайдеггера «Бытие и время» (1927) многими критиками оценивается, в основном, как шедевр феноменологической философии. В дальнейшем Хайдеггер будет строить свою философию на принципах персонализма и упрекать Гуссерля за то, что тот мало внимания обращал на персонализм Дильтея [27].

Тем не менее, многие числят М.Хайдеггера едва ли ни главным экзистенциалистом, оказавшим самое большое влияние на развитие этого самого влиятельного течения в западной философии XX века. Библиография

работ о Хайдеггере насчитывает десятки тысяч названий. Сущность философии Хайдеггера трудно выразить одним термином или одним определением. Прежде всего потому, что его философия наполнена схоластически-поэтическим содержанием и насыщена обилием многозначных терминов, имеющих ярко выраженную индивидуальную хайдеггеровскую «окраску». Хайдеггер больше поэт и импровизатор, чем логик. В контексте философии коэволюции и ноосферы, Хайдеггер прежде всего интересен как своеобразный предшественник «глубинной экологии», пророчивший последствия бездумного покорения планеты, потерю человеком самого себя из-за утраты истинного смысла бытия.

Пожалуй, на многомерном и многомирном схоласте и теологе М.Хайдеггере необходимо остановить наш спонтанный экскурс в философию XX века, в которой имеет место удивительное многообразие учений и философских теорий, концепций и конструктов для познания, или точнее, хотя бы самого начального знакомства для которого мало одной человеческой жизни. Как говорит Б.Гройс: «Философий много... Каждый философ, как и каждый художник, считает своим долгом создать новый критерий истины и придать самому слову «истина» новый смысл. Этим философ отличается от ученого... И в отличие от произведений искусства, философии устаревают, хотя и не так радикально, как научные теории» [11].

Но я не могу согласиться с резким разделением философии и теории, которое излагает Б.Гройс в своем «Дневнике философа»: «Философа часто путают с теоретиком, который должен логически стройно излагать свои теоретические повторения... Теоретик оформляет свою теорию как именно свою собственную, радикально отличную от всех конкурирующих теорий» [10].

На мой взгляд, не существует единых унифицированных и везде-всюду и всеми-приемлемых стандартов теорий. Любая теория может иметь свою уникальную форму и структуру, стиль и аргументацию. Может включать фрагменты иных теорий или использовать их в качестве своего фундамента и

каркаса. И чем она более своеобразна и непохожа (по структуре, форме, стилю, содержанию) на другие теории – тем сложнее добиться признания такой теории. В разных научных направлениях существуют свои особенные традиции и «эталоны» полноты и полноценности теории, которые следует соблюдать во имя понимания и признания научным сообществом. Теория может в большей или меньшей мере включать в свое «теоретическое тело» те или иные мировоззренческие или философские постулаты и концепции. И чем более масштабная создается теория, тем более она склонна взаимодействовать с философией, ибо тогда она получает некую существенную устойчивость и прочность, возможность преодолевать узко утилитарную специфику, и становится понятнее для более широкого круга последователей и оппонентов.

Одним из вдохновителей данной импровизации, предпринятой мной в канун первомайских праздников, конечно же является выдающийся британо-американский философ и математик Альфред Норт Уайтхед (1861-1947) и его замечательная работа «Процесс и реальность», появившаяся почти столетие назад (1927-29гг.) Честно признаюсь, что в первом прочтении, в начале 90-х годов, она не произвела на меня такого сильного впечатления. Примерно в то же время («закат перестройки») я читал работы М. Полани, С.Тулмина, М.Вартофски и П.Фейерабенда, и они произвели на меня более существенное впечатление. Особенно «Личностное знание» М.Полани [25].

Но как-то однажды, совершенно случайно, майским вечером 2005 года я отдыхал в деревушке с романтическим названием «Тургеневка» и мне на глаза попался ранее знакомый томик избранных трудов Уайтхеда – это была потрясающая бессонная ночь философских откровений и размышлений!

Я, конечно, не узрел в тексте Уайтхеда «попытки выработать новую концепцию вселенной» [30].

Но уловил особенную связь с идеей «эволюции законов» Анри Пуанкаре [26] (думаю, что Уайтхед хорошо знал работы Пуанкаре еще до начала своего позднего увлечения философской метафизикой).

Меня впечатлила трилогия:

1. Процесс=становление
2. Событие=опыт
3. Субъективное единство объективно.

Разумеется, что это всего лишь моя вольная сиюминутная интерпретация. Просто потому, что добытое когда-то знание трансформируется в нашем опыте (или в когнитоме, как у К.Анохина) как нечто субъективно единое и цельное, живущее своей самостоятельной жизнью и проявляющееся на поверхности нашего сознания в виде вербальных фрагментов, определений и восклицаний, либо в невербальном ассоциативно-интуитивном образном («размытом») воплощении, стимулирующем активную мысль.

Как верно отмечает В.Л. Абушенко: «Системообразующими принципами у Уайтхеда выступают тезисы о том, что действительность всегда есть становление («принцип процесса»), а всякая объективность есть возможность для становления («принцип относительности»), требующее преобразования представлений о реальности, сложившихся в философии и нашедших отражение в классической физике. ... Фактор их искажения – язык, позволяющий скрывать беспорядочность и бессвязность данных, из которых исходит наука» [1].

Здесь я считаю целесообразным остановиться и сказать: «Читайте Уайтхеда! Вы найдете много нового для себя, что усилит ваше проникновение в реальность огромного числа процессов, из которых состоит вселенная и вся наша жизнь!» [31].

Возвращаясь к В.В. Ильину и его первому (двухтомному) изданию «Теории познания», с которым я познакомился впервые (разумеется, я имею в виду текст!) 20 сентября 1995 года и до сих пор время от времени с удовольствием перечитываю. И мое субъективное мнение: «Теория познания» В.В. Ильина – своеобразный шедевр российской философии сциентизма, возвращенный на диалектическом материализме и своего рода

опыт гуманитарной формализации феномена познания. Одна из лучших книг 90-х годов прошлого века, раскрывающая механизмы научного познания с позиции системно-аналитического подхода. Естественно, что в ней есть не мало спорных моментов (опять же – по моему субъективному усмотрению). Например: «Очень трудно обозначить то, что фактически следует делать, чтобы быть философом. ... Речь идет о совокупности достаточно стабильных мыслительных традиций, специфических исследовательских навыков, фигур предметной логики, которые отличают деятельность философов-профессионалов. Конкретизация этого общего соображения о философском методе как деятельностной регулярности, некоторой типической формы, схемы, плана обработки, освоения предметности дает такую картину» [18].

По поводу этого, только что процитированного фрагмента у меня родился афоризм: «Всегда думал, что философия – это призвание... Оказалось – это только профессия!» (А.В.).

Тут невольно возвращаешься к жесткому разделению философов и теоретиков Бориса Гройса, и понимаешь, что В.В. Ильин больше рассуждает о теоретиках, а не о философах, ибо если его определение верно, то многие античные философы, а также не мало известных философов XVII-XX веков окажутся вовсе не философами... Скорее всего, В.В. Ильин признает истинными философами только тех, кого Артур Шопенгауэр называл «кафедральными философами», и таким образом, профессиональный философ В.В. Ильин становится в жесткую оппозицию к «философам-любителям», среди которых, между прочим, Сократ, Марк Аврелий, Блез Паскаль, Фридрих Ницше, Лев Шестов, Иосиф Левин и многие другие.

И еще один характерный пример. В.В. Ильин производит оценку научной состоятельности А.Пуанкаре и А.Эйнштейна: «Пуанкаре деформировал критерий гомогенности и замкнутости системы знания относительно некоторого мира объектов. Эйнштейн же разработал программу построения более совершенного знания, учитывая его большую сбалансированность с этими гносеологическими результатами» [18]. Если бы

уважаемый В.В. Ильин действительно серьезно погрузился бы в реальную историю науки, он бы вряд ли употребил такое сравнение. Потому что философ, если он даже профессиональный, все равно должен стремиться к пониманию истины, а не слепо копировать распространенную в обществе мифологию, и соответственно, анализировать содержание реальных процессов, как философ науки, а не как идеолог-пропагандист и ретранслятор чужого мнения. По моему глубокому убеждению (на основе более чем 20-летних изысканий и размышлений) – Анри Пуанкаре – великий французский математик – это один из последних и истинных тружеников науки. А Альберт Эйнштейн – это первый шоумен на научном поприще XX века, созданный усилиями средств массовой информации и последующим «некритичным псевдонаучным попугайством» многих поверхностно мыслящих персон, как в мировой, так и в отечественной науке. Надеюсь, если все же в ближайшие десятилетия естественная (а не искусственная) наука еще будет существовать – она сможет восстановить истинную научную справедливость в этом вопросе. Хотя, трудно категорически утверждать – существует ли истинная научная справедливость в мире науки и глазах «просвещенного» общества? Это не только социологический, но и вполне философский вопрос.

Выше по тексту я упомянул Иосифа Левина, можно сказать – философа по призванию, а не по профессии (так уж получилось в его судьбе). В посмертном издании его философских сочинений в главе «Предварительные соображения гносеологического характера» есть весьма значительный фрагмент (С.54-66), посвященный интуитивному, рефлексивному и символическому познанию. Ниже я приведу только несколько строк, показывающих глубину проникновения «непрофессионального» философа в смыслы и содержание теории познания.

1. Интуиция или интуитивное знание – это тот остаток рационального, непререкаемого и бесспорного, что *asylum scientias*, который сохраняется, если отказаться от чрезмерных претензий Платона, Декарта, Спинозы,

Лейбница, Гуссерля. Это то, что образует основу всякого познания, делает возможным любое предположение.

2. Интуиция обеспечивает ту минимальную содержательность логики и математики, без которой не может обойтись и самая формализованная система. Отказаться от интуиции, значит свести всё знание к банальным тавтологиям, условностям и предположениям.

3. Особенность интуитивного знания – оно обладает одновременно максимальной интенсивностью и минимальной экстенсивностью. Это как бы огромный заряд знания, сосредоточенный в одной точке. ... Оно представляет собой в каком-то смысле точечное знание, т.е. точку, в которой сосредоточено абсолютное знание, но лишенную протяженности, а именно тех измерений, которые образуют рефлексию или рефлексивное знание.

4. Основой знания является видение, интуитивное постижение бесспорной истины логического или логико-математического характера.

5. Благодаря рефлексии, знание все более расширяется в объеме, но это – рост экстенсивности за счет ослабления интенсивности... Рефлексия расширяет, но вместе с тем разжижает знание... Однако интуиция остается в качестве отправной точки.

6. Проблема критерия истины представляется мне довольно праздною. Если бы существовал критерий истины, то мы могли бы считать себя обладателями бесспорной истины... сама постановка вопроса о критерии содержит в себе порочный круг, ибо для решения этого вопроса мы уже должны обладать таким критерием [19].

Получилось не несколько строк, а несколько абзацев, что, впрочем, несущественно для вопроса необходимости (а может, и вполне таки существенно?) передать смысл развернутой познающей мысли, выраженной в тексте той или иной размерности.

Однажды, в июне 2002 года мне на глаза попала книга «Философия открытого мира» В.С. Егорова. Сразу поразила мое воображение фраза в описании книги: «Эта книга рассказывает о философии открытого мира,

понятие которого связано с идеями бесконечности и открытости, присущими современному состоянию цивилизации. Представление об открытом мире – это новое миропонимание... Книга – фундаментальное исследование мира в тот момент, когда меняется его научная картина под воздействием новых открытий в связи с превращением информации в основной стратегический ресурс общества. Автор предлагает выход из кризиса науки, видя такой выход в интеграции разных областей знания» [15].

Понятно, что на неискушенного читателя такое развитие событий в аннотации произведет неотразимое впечатление, хотя за текстом легко читается желание автора и его издателя распродать тираж как горячие пирожки с повидлом...

Тем не менее, мне тоже стало любопытно – в чем же суть нового миропонимания? На первой же странице: «Мировоззренческий субъективизм вместе с наукой в настоящее время переживает глубокий кризис». Кто такой мировоззренческий субъективизм? Или чей мировоззренческий субъективизм – автор не уточняет. Видимо, имеется в виду какой-то всеобщий мировоззренческий субъективизм или мировоззренческий субъективизм конкретных ученых и философов, за исключением самого автора. В общем, книга оказалась весьма насыщенной на всевозможные категорические утверждения и открытия. Так как она хорошо вписывается в контекст нашей (моей) импровизации с точки зрения теории познания и осмысления процессов реальности, то я нашел целесообразным привести ниже несколько смелых утверждений В.С. Егорова.

1. Мировоззрение в философии рационализма – идеологизированное понятие, содержащее извращенное представление о реальной действительности, которое закрепляется в качестве господствующего представления о мире и месте человека в мире и экстраполируется различными социальными институтами и властными структурами.

2. В отличие от системного мировоззрения, которое можно было бы определить как философию закрытых систем, философия открытого мира

использует в качестве исходных понятий иные понятия и подходы. Порядок с этой точки зрения не является порождением хаоса, не вытекает из хаоса, а противостоит ему как исходная, самостоятельная и противоположная характеристика миропроявления.

3. Идея глобального бутстрепа согласно которой природные основания носят не вещественный, а событийный характер, все более укрепляющая свои позиции, противоположна не только классическому анализу, но и самому рациональному способу освоения действительности. Новый способ будет совершенно иной формой человеческого усилия, которое не только будет лежать вне области физики, но даже не сможет описываться в рамках научного (рационального) способа постижения человечеством мира.

4. Современная международная банковская система поражена своеобразной раковой опухолью... Масштабы рынков Свопа, форвардных и производных бумаг – огромные суммы, с которыми совершаются операции, во много раз превышает капитал, реально используемый в коммерческой деятельности. Безмерно раздутый пузырь рано или поздно должен погибнуть. Последствия этого никто не может предсказать. Единоновременно будут выведены из обращения десятки триллионов долларов.

5. Доллар с учетом американского госдолга в настоящее время обеспечен в США резервами менее чем на 5%. ... В России проживает около 3% населения земного шара, на которое приходится примерно 30% мировых природных богатств [15].

Ниже наш краткий субъективный комментарий по каждому из пяти вышеобозначенных пунктов.

1. Никакой единой философии рационализма никогда не существовало, и любое мировоззрение всегда включает элементы той или иной идеологии. У кого и где имеются эти извращенные представления о реальной действительности, а также – кто и где контролирует господствующее

представление – весьма трудно установить из этого эмоционального и весьма «размытого» высказывания.

2. Опять же, не ясно о каком системном мировоззрении идет речь и почему его можно определить как философию закрытых систем? Совсем непонятно – какие иные исходные понятия и подходы использует философия открытого мира? Если системное мировоззрение основано на системном анализе, то почему это философия закрытых систем? Системный анализ вполне успешно моделирует и открытые системы (применение «мягких» моделей, нечеткого моделирования и социально-вероятностных методов качественной интерпретации процессов и элементов систем). С хаосом и порядком – тоже весьма отвлеченные рассуждения. И в закрытых и в открытых системах, на разных уровнях эволюционной иерархии допустимо различное (в пропорциях, механизмах и последствиях) взаимоотношение порядка и хаоса. В динамике нелинейных систем, так мне представляется, нет застывших форм и вечных констант, независимо от степени закрытости-открытости.

3. В данном случае, идея глобального бутстрепа находится выше нашего классического миропонимания. Скорее всего, что в этом фрагменте В.С. Егоров описывает некую новую виртуальную реальность, которая формируется и будет формироваться при помощи искусственного интеллекта новых «нейросетей» и нацелена на полное отрицание культурных и гуманных ресурсов земной человеческой цивилизации. Вероятно, это касается содержания нового пост-человеческого мира, к которому ведет замечательная философия открытого мира.

4. Здесь я вполне соглашусь с В.С. Егоровым. Американский глобальный финансовый «лохотрон», созданный за последние полвека (начиная с 1971 г.) – это гигантская система обмана населения всего земного шара. И держится она на военной машине и непрерывной гонке вооружений (с 1943 г.). Обман и запугивание – это главные столпы американской внешней и внутренней политики.

5. Красивая жизнь за счет «дутой» долларовой экономики подходит к концу, а рядом – богатая всеми природными ресурсами России. Почему бы «не пожить» за чужой счет – так думает американский и мировой истеблишмент «золотого миллиарда». События последних лет – закономерный итог американской политики в отношении СССР и России в течение всего послевоенного периода (с 1945 г.).

Возвращаясь к истокам, или точнее к концепции ноосферы. В первые годы моего знакомства с научно-теоретической концепцией ноосферы (1985-87гг.), я сразу обратил внимание на широкий спектр разнообразий в понимании термина «ноосфера».

В 1987 году вышла из печати монография «Экология. Цивилизация. Ноосфера», автор которой Ф.И. Гиренок, на основе марксистско-ленинской концепции взаимодействия общества и природы, анализировал философское содержание глобальных проблем современности. Кстати, весьма интересная и полезная книга. В ней много спорного, но и много серьезного анализа. В дальнейшем философское мировоззрение автора эволюционировало в сторону метафизики и постмодерновых подражаний западной философии, утратив интерес к такой богатейшей теме, обозначенной в вышеназванной монографии, в которой, в частности, содержится конструктивная критика представлений В.И. Вернадского о ноосфере. «Для Вернадского, ноосфера – это естественный процесс, при котором она складывается вне зависимости от того, как решается человеком вопрос о полноте знания мира, и преднамеренного сознательного регулирования его связей. Человек действует практически и конечным образом, не дожидаясь, когда в основаниях этих действий будут положены продукты полного понимания мироустройства. Именно поэтому нельзя теоретически доказать, какая именно деятельность человека ведет к ноосфере, а какая – в сторону от неё. Это вопрос не теории, а практики, и нет необходимости под какие-то конкретные действия человека подводить выдуманные ноосферные сущности, обосновывая, например, применение феромонов и доказывая

необоснованность применения ДДТ» [9], - так резюмирует представления Вернадского о ноосфере диалектически философствующий Ф.И. Гиренок.

Если мы применим элементарный смысловой анализ к последнему предложению этого фрагмента, то легко сможем обнаружить абсурдность этого утверждения. Во-первых, практика редко когда-либо задумывается (т.е. специалисты-практики) о глубоких теоретических обоснованиях всей своей деятельности (как в общем, так и в частном). Для практики важно осуществление действия, имеющего определенную конкретную цель. А дело теоретика как раз и состоит в том, чтобы оценивать и обосновывать действия практиков в контексте определенной научной парадигмы (в данном случае – ноосферное обоснование практической деятельности в сфере взаимодействия общества и природы, или, точнее, в сфере природопользования и охраны окружающей среды). Без теории, продуманной и обоснованной, практика способна на любые абсурдные действия, последствия которых осознаются задним числом. Теоретически доказать, куда ведет практическая деятельность – в сторону ноосферы или в противоположную сторону, вполне возможно и необходимо, если иметь четкие, ясные теоретические представления о том, что есть ноосфера, как она должна выглядеть и при каких условиях её возможно практически создать. Другой вопрос – есть ли такие ясные и четкие научные представления и разработки реалистической модели ноосферы? Скорее всего, их не было, и нет до сих пор. Есть только трудно совместимое разнообразие мнений и концептуальных построений из сферы отвлеченного от практики теоретизирования. А то, что ноосфера – естественный процесс и придет (наступит) с какой-то неизбежностью – это просто устаревшая гипотеза Вернадского, которая не выдержала проверки временем. Основываясь на этой гипотезе, значительная часть теоретиков приравнивает интенсивно формирующуюся техносферу к ноосфере, что есть серьезное заблуждение.

Подводя краткие итоги нашему рассуждению по поводу адекватного понимания реальных процессов, имеющих место в развитии земной

цивилизации (пока еще естественных Homo Sapiens-ов), можно прийти к следующим выводам (бесспорно субъективным, но имеющим большую вероятность объективного происхождения и реальных следствий).

1. В 80-е годы XX века мировое сообщество вступило в совершенно новый этап исторического социального развития и техногенной эволюции, который можно охарактеризовать как этап социально-генетической трансформации на основе информационных технологий, ориентированных на скорейшее создание общего или планетарного искусственного интеллекта. Концентрация усилий на этом направлении внешне напоминает ситуацию с созданием атомного оружия в 40-е годы XX века.

2. Инициатором и лидером этого процесса (в значительной степени) выступают США. Геополитика этого «мирового гегемона» нацелена на окончательное утверждение планетарного тотального господства над всем мировым сообществом и установление американского «мирового порядка», как окончательной формы развития земной цивилизации. Решающая ставка при этом делается на вооруженные силы, финансовое доминирование и опережающее создание общего (планетарного) искусственного интеллекта.

3. Концепция ноосферы, ориентированная на равноправное сотрудничество всего мирового сообщества в деле сохранения биосферы и коэволюционного развития естественного человечества является доминирующей (по преимуществу) в российской науке и является альтернативой «однопольности» мира «золотого миллиарда» под «куполom» общего (планетарного) искусственного интеллекта.

4. Концепция ноосферы не исключает развитие искусственного интеллекта, но предполагает его полностью подконтрольным естественному интеллекту, ориентированному на оптимальное сотрудничество всех народов земной цивилизации.

5. В ближайшие 10-15 лет, при сохранении доминирующих в данный момент (апрель 2023) геополитических тенденций и устремлений, всё планетарное сообщество (и в первую очередь – народы Российской

Федерации) ожидают трудно предсказуемые процессы в сфере геополитики, финансов, тотального информационного противостояния и во всех других сферах жизнедеятельности суверенных государств.

6. Изменение и стабилизация мировой геополитической ситуации видится в первую очередь в мобилизации интеллектуальных и информационных ресурсов Российской Федерации на создание кардинальной альтернативы тотальному агрессивному курсу американско-британского (и всех сателлитов данного курса) истеблишмента путем развития мировых институтов согласия и формирования коллективных планетарных структур естественного разума (структуры коллективной безопасности естественного интеллекта). Это путь коэволюционно-ноосферного развития земной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушенко В.Л. Уайтхед Альфред Норт // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 736-738.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
3. Визгин В.П. Идея множественности миров: Очерки истории. – М.: Наука, 1988. 296 с.
4. Винобер А.В. [Интуитивное постижение мира](#). Философский дневник. Иркутск, 2014. 334 с.
5. Винобер А.В. [Личность и ноосфера: путь к коллективному разуму \(философские, психологические и социально-правовые аспекты\). Часть 1. Философские аспекты](#) / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2020 № 10 (28). С. 7-15.
6. Винобер А.В. [Личность и ноосфера: путь к коллективному разуму \(философские, психологические и социально-правовые аспекты\). Часть 2. Психологические аспекты](#) // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2020. № 11 (29). С. 16-28. С. 16-28.
7. Винобер А.В. [Личность и ноосфера: путь к коллективному разуму \(философские, психологические и социально-правовые аспекты\). Часть 3. Социально-правовые аспекты](#) / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2020 № 12 (30). С. 5-17.
8. Винобер А.В. [Коэволюционные процессы в эволюции биосферы](#) // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2022. № 4 (45). С. 14-32. С. 14-32.
9. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. – М.: Наука, 1987.- 182 с.
10. Гройс Б. Дневник философа. Париж: Беседа-Синтаксис, 1989. 234 с.

11. Гройс Б.Е. Философия и время // Логос. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Книга 1. Разум. Духовность. Традиции. 1991. С. 5-32.
12. [Грюнбаум А. - Философские проблемы пространства и времени](#). Пер. с англ. М.: Прогресс. 1969. 591 с.
13. Гуссерль Э. - Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. Пер. с нем. М.: Академический Проект, 2011. — 253 с.
14. Гуссерль Э. - Логические исследования. Т. II. Пер. с нем. М.: Академический Проект, 2011. — 565 с.
15. Егоров В. С. Философия открытого мира. - М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 2002. - 320 с.
16. Ефремов Ю.Н. Вглубь Вселенной: Звезды, галактики и мироздание. 5-е изд. – М.: Книж.дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 264 с.
17. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм / В.В. Ильин. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 384 с.
18. Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология / В.В. Ильин. – М.: Издательство Московского университета, 1994. – 136 с.
19. Левин И. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Радикс, 1994. – 403 с.
20. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. - М.: Мол. гвардия. 1990. – 351 с.
21. Моисеев Н.Н. Современный рационализм / Н. Н. Моисеев; Рос. науч. гуманитар. фонд, Междунар. независимый экол.-политол. ун-т. — М.: МГВП КОКС, 1995. — 376 с.
22. Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. № 8, С.26-32
23. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
24. Новиков К.М. Свобода воли и марксистский детерминизм. – М.: Политиздат. 1981. 128 с.
25. Полани М. Личностное знание. Пер. с англ. — Под ред. В. А. Лекторского и В. И. Аршинова. – М.: Прогресс, 1985. – 343 с.
26. Пуанкаре А. О науке: пер. с франц.- М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. - 560 с.
27. Слинин Я.А. Возникновение философии Хайдеггера из феноменологии Гуссерля // Мартин Хайдеггер : сб. статей. – СПб.: РХГИ. 2004. С. 83-129.
28. Смолин Л. Наше отношение ко Вселенной// Много миров. Новая вселенная, внеземная жизнь и богословский подтекст / Пер. с англ. – М.: АСТ; Астрель, 2007. С. 103-111.
29. Смолин Ли. Возвращение времени. От античной космогонии к космологии будущего. Пер. с англ. - М.: АСТ, Corpus, 2014. — 384 с.
30. Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991. 414 с.
31. Уайтхед А. Избранные работы по философии. Пер. с английского. - М.: Прогресс, 1990. - 720 с.

32. Фейерабенд П. Галилей и тирания истины // Кентавр. 1998. 19 (май). С. 26-33.

33. Шелер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Изд-во Гнозис, 1994. 490 с.

34. Щедровицкий П.Г. Методологическая организация сферы психологии // Вопросы методологии. 1997. 1-2. С. 108-127.

35. Энгельс Ф. Диалектика природы / Пер. с нем. 9-е изд.- М.: [Прогресс](#), 1982. 403 с.

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

PHILOSOPHY OF COEVOLUTION AND THE NOOSPHERE: THEORY OF COGNITION AND REAL PROCESSES

The world of science and the world of global humanity have undergone profound transformations. This social and technical evolutionary process deserves serious philosophical reflection. And it happens, but unfortunately (to my subjective) it is not at all in such a perspective and not with such depth as it really deserves. Hamlet's question still hangs over earthly humanity: to be or not to be? And as before, the best or most grasping minds cannot find an answer to it and cannot come to a common imperative-ethical denominator. "Coevolution" and "noosphere", as the author notes, are scientific and theoretical constructs underlying the modeling and understanding of the development of terrestrial human civilization in the past (reconstructive and retrospective modeling), in the present (expert-analytical models in recent history and the current moment) and in the future (promising multivariate dynamic modeling and forecasting).

Keywords: theory of cognition, real processes, coevolution, noosphere, technosphere, artificial intelligence

Поступила в редакцию 5 мая 2023